

DOI:

ВОЕННЫЕ ТЯГОТЫ И СОЦИАЛЬНАЯ ДЕСТРУКЦИЯ В ТЕРСКОЙ ОБЛАСТИ ВО ВРЕМЯ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Секинаев Сослан Асламбекович, кандидат исторических наук, младший научный сотрудник, отдел истории, Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева – филиал Федерального государственного бюджетного учреждения науки Федерального научного центра «Владикавказский научный центр Российской академии наук» (Владикавказ, Россия); <https://orcid.org/0009-0007-9035-4097>; seki009sos@mail.ru

Актуальность исследования обусловлена недостаточной изученностью роли Терской области в период Первой мировой войны, несмотря на ее стратегическое значение как приграничного региона Российской империи. Война оказала значительное влияние на социально-экономическое и политическое развитие области, однако эти процессы остаются малоисследованными в современной историографии. Научная новизна работы заключается в комплексном использовании ранее не привлекавшихся или малоизученных архивных источников, статистических данных и материалов периодической печати для выявления причин и механизмов социальной деструкции в Терской области в годы Первой мировой войны. Такой подход позволяет восполнить существующие пробелы в изучении влияния военных тягот на социальную структуру региона и расширить понимание региональных особенностей этого исторического процесса. Цель исследования – выявить особенности функционирования Терской области в условиях военного времени, включая мобилизационные процессы, экономические преобразования и межэтнические отношения. В работе применяются историко-системный, сравнительно-исторический и статистический методы, что обеспечивает достоверность полученных результатов. В ходе исследования установлено, что Первая мировая война обострила социальные противоречия в регионе, способствовала милитаризации экономики и активизации национальных движений. В Терской области, как и в других регионах, сильно искажалось восприятие событий войны и революции, формировались мифы о роли местных героев и подвигов. В то же время, благодаря доступу к архивным материалам и историческим источникам, появилась возможность получить более объективное понимание происходивших событий, восстановить реальные факты и понять, что действительно происходило в Терской области в этот сложный и переломный период. Полученные выводы расширяют представления о региональной специфике военного периода и могут быть использованы в дальнейших исследованиях по истории Северного Кавказа.

Ключевые слова: Терская область, Первая мировая война, мобилизация, экономика, межэтнические отношения, Северный Кавказ, Российская империя.

Для цитирования: Секинаев С.А. Военные тяготы и социальная деструкция в терской области во время Первой мировой войны // KAVKAZ-FORUM. 2025. Вып. 24 (31). С.201-214. DOI:

Введение

Первая мировая война 1914–1918 гг. явилась переломным рубежом в истории Российской империи, кардинально изменившим вектор ее политического, социально-экономического и культурного развития. Глобальный характер конфликта и его тотализирующее воздействие на общество не оставили в стороне ни один регион страны, в том числе и ее национальные окраины. В этом контексте Терская область, являвшаяся сложным полиэтническим и социально неоднородным образованием на Северном Кавказе, представляет собой исключительно репрезентативный объект для глубокого исторического исследования. Ее уникальный статус, сочетавший в себе черты военно-казачьего оплота империи, зоны интенсивных сельскохозяйственных и промышленных (нефтяных) разработок и территории со сложным переплетением традиционных горских обществ, делает анализ ее истории в период «Великой войны» ключевым для понимания *broadier processes* распада имперской государственности и вызревания предпосылок революционных потрясений.

Несмотря на очевидную значимость темы, ее научная разработанность в отечественной и зарубежной историографии остается явно недостаточной и фрагментарной. В советский период история Терской области в годы Первой мировой войны практически не изучалась как самостоятельная проблема, растворяясь в общих трудах по истории революционного движения и Гражданской войны на Северном Кавказе, где военные годы рассматривались лишь как краткий пролог к главным событиям 1917–1920 гг. [1]. Постсоветская историография, несмотря на значительное расширение методологической базы и доступа к архивным источникам, также лишь фрагментарно касалась данной проблематики. Современные исследования, как правило, фокусируются либо на узких сюжетах (например, формировании Туземной дивизии), либо включают анализ военного периода в более широкие хронологические рамки исследований по истории казачества или отдельных северокавказских народов [2; 3; 4; 5; 6; 7]. Комплексного же исследования, рассматривающего военный опыт Терской области через призму взаимовлияния мобилизационной политики, экономической трансформации, обострения межнациональных отношений и эволюции общественно-политических настроений, до сих пор не предпринималось. Существующий пробел во многом обусловлен традиционной ориентацией историков на центральные районы России, в то время как региональный, и особенно национально-окраинный, ракурс остается на периферии научного интереса.

Основная часть

С начала Первой мировой войны Терская область практически мгновенно была переведена на военные рельсы, превратившись в критически важный тыловой регион Российской империи, от эффективности работы которого напрямую зависело снабжение Кавказского и частично других фронтов людскими

ми резервами, продовольствием и иными материальными ресурсами. Уже 20 июля 1914 г., сразу после объявления Высочайшего манифеста о войне, в области была объявлена всеобщая мобилизация, затронувшая самые широкие слои населения [8, 53]. Призыву подлежали ратники государственного ополчения и военнообязанные запасных разрядов, принадлежавшие к сословиям, на которые распространялась воинская повинность [9]. Этот процесс, вопреки расхожему мнению, не ограничивался исключительно русским и казачьим населением, но в той или иной степени затрагивал и представителей горских народов, что стало новым и во многом неоднозначным явлением в жизни региона.

Однако процесс мобилизации с самого начала столкнулся с целым комплексом трудностей, обусловленных исторически сложившейся этноконфессиональной и административной спецификой области. Правовой статус коренных горских народов в отношении воинской повинности кардинально отличался от положения казачества и крестьянского населения. Согласно действовавшему законодательству, в частности «Уставу о воинской повинности» 1874 г., освобождение от службы распространялось на некоторые народы Закавказья и Северного Кавказа, что было связано как с незавершенностью их интеграции в имперское правовое поле, так и со скрытыми опасениями властей вооружать и обучать военному делу потенциально нелояльное население. На практике это привело к тому, что массовый призыв в Терской области оказался в значительной степени асимметричным. Терское казачество, традиционно являвшееся опорой самодержавия на Кавказе, было мобилизовано практически полностью [10, 10]. Казачьи части, укомплектованные терцами, такие как 1-й и 2-й Терские казачьи полки, 1-й и 2-й Волгские полки, Терско-Горский конный полк и другие, в короткие сроки были отправлены на фронт, оставив станицы без значительной части трудоспособного мужского населения [8, 54]. Русское крестьянское население также подлежало призыву на общих основаниях.

В то же время представители многих горских народов (ингуши, чеченцы, кабардинцы, балкарцы, осетины-мусульмане) формально не были обязаны нести воинскую повинность, хотя вопрос о ее распространении на них периодически поднимался в правительственных кругах еще с конца XIX в. Эта правовая коллизия немедленно породила острейшее социальное напряжение. В казачьих станицах, с которых призыв был тотальным, видя, что их соседи-горцы остаются дома, открыто говорили о несправедливости и «царевом неодинаковом отношении». Недовольство усугублялось экономическими причинами: массовый призыв казаков на фронт привел к тому, что их хозяйства оставались без основных работников, в то время как горские общества, сохранившие мужские трудовые ресурсы, воспринимались как получающие несправедливое конкурентное преимущество. Это создавало крайне взрывоопасную ситуацию в межэтнических отношениях, которая лишь на время была отодвинута на второй план патриотическим подъемом первых месяцев войны. Например, после мобилизации в ст. Слепцовской осталось всего 300 мужчин (среди них младенцы, старики, больные и проч.), в ст. Воронцово-Дашковской – 140, Самашкинской – 179 [11].

Тем не менее, имперские власти стремились найти гибкие формы привлечения горского населения к участию в войне, минуя прямое распространение воинской повинности [12, 65]. «Одной из таких форм стало создание из добровольцев-горцев так называемых «туземных» частей, самой известной из которых стала Кавказская туземная конная дивизия, более известная как «Дикая дивизия» (см. подробнее [13, 110] – С.С.). Формирование ее второй бригады (Татарский и Чеченский конные полки) проходило непосредственно на территории Терской области, в основном во Владикавказе и Грозном» [2, 81]. Добровольческий принцип комплектования позволял обойти правовые ограничения и при этом использовать знаменитые боевые качества горских всадников. Мотивация добровольцев была крайне разнообразной: от желания послужить России и доказать свою верность Государю, что было особенно характерно для представителей княжеских и дворянских фамилий, до жажды военной добычи, славы и приключений, а также получения стабильного казенного довольствия [14, 9]. Однако, как свидетельствуют архивные данные, добровольчество не носило массового характера и не могло компенсировать демографический и экономический дисбаланс, возникший из-за избирательной мобилизации.

«Помимо людских ресурсов, на область легла колоссальная нагрузка по приему, размещению и обслуживанию беженцев и раненых воинов. Через регион проходили эвакуационные маршруты с Кавказского фронта. Во Владикавказе, Грозном, Пятигорске, Кисловодске и других крупных населенных пунктах разворачивались лазареты и госпитали, как государственные, так и частные, организованные Земским и Городским союзами, а также представителями знати. Например, в Пятигорске к концу 1915 г. функционировало более 20 госпиталей на несколько тысяч коек» [8, 91]. Размещение раненых, их лечение и снабжение потребовали мобилизации местных ресурсов здравоохранения и привлечения широких слоев населения к благотворительной деятельности, что стало еще одной формой проявления тылового долга.

Важнейшим элементом военной инфраструктуры области стала ее транспортная сеть. Владикавказская железная дорога, связывающая центр России с Закавказьем и портами Каспийского и Черного морей, приобрела стратегическое значение. По ней на фронт перебрасывались войска, вооружение, боеприпасы и продовольствие, а в обратном направлении шли раненые, беженцы и сырье [15, 56]. Резко возросший грузопоток потребовал модернизации путей, увеличения подвижного состава и введения жесткого графика движения, что легло дополнительным бременем на железнодорожных рабочих и служащих. Грузы, которые не могли быть перевезены по железной дороге, доставлялись гужевым транспортом, для чего у местного населения проводились массовые реквизиции лошадей, волов и подвод. Эта повинность, в отличие от мобилизации людей, затрагивала уже все слои населения без исключения и вызывала повсеместные жалобы, так как лишала крестьян и горцев основного тяглового скота, необходимого для ведения сельского хозяйства [15, 103].

Таким образом, мобилизационные процессы в Терской области в 1914–1917 гг. представляли собой сложное и противоречивое явление. С одной

стороны, область демонстрировала высокую степень интеграции в общеимперское мобилизационное пространство, выполняя функции ключевого логистического узла и поставщика людских ресурсов (в лице казачества и русского населения). С другой – архаичная и непоследовательная правовая система, регулировавшая вопрос воинской повинности для разных этнических групп, привела к глубокой социальной асимметрии. Эта асимметрия не только обострила традиционные межэтнические противоречия между казаками и горцами, но и заложила мину замедленного действия под всю социально-политическую структуру региона. Недовольство, вызванное ощущением несправедливости мобилизационной политики, наложившись на растущие экономические трудности военного времени (реквизиции, инфляция, транспортный коллапс), стало одним из ключевых факторов, способствовавших быстрой радикализации населения Терской области и ее погружение в хаос революции и Гражданской войны в 1917-1918 гг. Власти империи, решая сиюминутные задачи по комплектованию армии, не смогли предложить универсальную и справедливую модель мобилизации для своего полиэтнического порубежья, что в конечном итоге оказалось одной из многих стратегических ошибок, приведших к краху старого порядка.

Вступление Российской империи в Первую мировую войну кардинальным образом переориентировало всю экономику Терской области на обеспечение военных нужд, подчинив ее логике тотального конфликта. В условиях войны экономика и общественная жизнь Терской области были перестроены или адаптированы так, чтобы полностью соответствовать требованиям и особенностям масштабной войны. Что подразумевала эта логика? Привлечение ресурсов, централизацию управления, обеспечение военных нужд, потребительское сокращение, обострение социальной и экономической мобилизации. Этот процесс, протекавший стремительно и зачастую хаотично, затронул все без исключения отрасли хозяйства – от промышленности и сельского хозяйства до транспорта и финансов, – и имел глубокие, во многом катастрофические последствия, которые не только обозначили жизнь региона в 1914–1917 гг., но и во многом предопределили его погружение в революционную смуту. Наиболее ярко милитаризация экономики проявилась в усиленной эксплуатации стратегических природных ресурсов, ключевым из которых была нефть Грозненского района. Уже в первые недели войны добывающие и перерабатывающие предприятия округа были переведены под усиленный контроль военного ведомства, а их продукция стала считаться стратегическим сырьем, распределение которого осуществлялось централизованно через Особое совещание по топливу [16, 134]. «Спрос на нефтепродукты – в первую очередь на мазут для военно-морского флота, бензин для зарождающейся авиации и керосин – резко взлетел, что привело к форсированному расширению буровых работ и строительству новых перегонных заводов. Однако этот количественный рост, стимулированный военными заказами, происходил на фоне нараставших системных проблем. Многие квалифицированные инженеры, техники и рабочие-нефтяники были призваны в армию, что привело к падению производительности труда и росту числа аварий» [16, 69]. Остро встала проблема износа оборудования: новые станки и сложная техни-

ка из-за рубежа больше не поставлялись, а отечественное машиностроение не справлялось с возросшими запросами. В результате, несмотря на формальное увеличение объемов добычи в первые два года войны, к 1916–1917 гг. начали проявляться признаки истощения наиболее доступных пластов и общее снижение эффективности отрасли из-за хронического недофинансирования и технологического отставания [16, 89–91].

Параллельно с давлением на нефтяную промышленность война наложила тяжелое бремя на аграрный сектор Терской области, который традиционно являлся основой ее экономики. Мобилизация значительной части трудоспособного мужского населения, в первую очередь из казачьих станиц и русских сел, привела к катастрофической нехватке рабочих рук в самый разгар сельскохозяйственных кампаний. Изъятие для нужд армии лучшего тяглового скота – лошадей и волов – еще более усугубило ситуацию, лишив многие хозяйства возможности обрабатывать даже те площади, которые они были в состоянии засеять [1, 58]. Власти пытались компенсировать эти потери широким привлечением труда военнопленных, женщин, подростков и старших возрастов, а также насильственным привлечением крестьян из соседних регионов, однако эти меры были малоэффективны. Производительность подневольного и неквалифицированного труда была крайне низка, а организация его применения – неудовлетворительной. Все это привело к устойчивой тенденции сокращения посевных площадей под продовольственными культурами (пшеница, ячмень, рожь) и резкому падению урожайности. Например, по данным Терского областного правления, валовый сбор зерновых к 1916 г. сократился по сравнению с довоенным 1913 г. в среднем на 25–30%, а в отдельных казачьих отделах, наиболее пострадавших от мобилизации, этот показатель достигал 40% [1, 57].

На этом фоне система государственных заготовок продовольствия для армии, введенная в 1915–1916 гг., стала для сельского хозяйства области подлинным разорением. Нормы продразверстки устанавливались централизованно, исходя из явно завышенных представлений о «излишках», и практически не учитывали реального положения дел в хозяйствах. Закупочные цены, по которым государство изымало хлеб, скот, сено и другое продовольствие, были искусственно занижены и не поспевали за рыночной инфляцией, что делало сдачу продукции по разверстке для крестьян и казаков не просто убыточной, но и разорительной операцией. Жесткие, а зачастую и откровенно грабительские методы работы заготовительных комиссий, сопровождавшиеся угрозами и репрессиями в случае невыполнения плана, вызывали растущее сопротивление населения. Скрытое саботирование хлебосдачи, сокрытие объемов урожая и массовый забой скота «на мясо» самими хозяевами, чтобы не отдавать его государству, стали повсеместными явлениями. Это, в свою очередь, лишь ужесточало политику властей, замыкая порочный круг насилия и экономического упадка [1, 57].

Важнейшим фактором, усугублявшим все экономические трудности, стал тотальный транспортный коллапс, который к 1916 г. парализовал логистику не только Терской области, но и всей империи. Владикавказская железная дорога, игравшая роль главной транспортной артерии региона, была перегружена до предела военными перевозками. Пропускная способность доро-

ги не справлялась с объемом грузов, что приводило к гигантским пробкам, простоям вагонов неделями и месяцами, порче скоропортящихся продуктов (зерна, мяса, фруктов) прямо на станциях [15, 99]. Практически весь подвижной состав был мобилизован для нужд фронта, а оставшиеся паровозы и вагоны, работавшие на износ без должного ремонта, постоянно выходили из строя. Это делало невозможным своевременный вывоз сельскохозяйственной продукции из глубинных районов области к железнодорожным узлам и, как следствие, ее поставки как на общеимперский рынок, так и для внутреннего потребления. Система гужевого транспорта, на которую легла основная нагрузка по местным перевозкам, также была дезорганизована массовыми реквизициями лошадей и фуража для армии, а также катастрофическим удорожанием содержания собственного транспорта [15, 144].

Совокупность этих факторов – деградация сельского хозяйства, разрыв традиционных хозяйственных связей и транспортный хаос – не могла не привести к глубочайшему продовольственному и товарному кризису. Рыночное предложение продуктов питания и товаров первой необходимости стремительно сокращалось, в то время как денежная масса в обращении, подогреваемая огромными военными расходами государства, росла гигантскими темпами. Результатом стала чудовищная инфляция, которая к 1917 г. приобрела гиперинфляционный характер. Цены на основные продукты питания – муку, хлеб, мясо, масло, соль – выросли за годы войны в 5–10, а по некоторым позициям и в 15 раз, совершенно не соответствуя росту доходов подавляющей части населения. Заработная плата рабочих, несмотря на отдельные повышения, катастрофически отставала от стремительно растущей дороговизны. Реальная покупательная способность служащих, интеллигенции, а тем более семей призванных солдат, живших на скудные государственные пособия, упала ниже уровня физического выживания. В городах области – Владикавказе, Грозном, Пятигорске, Моздоке – уже с 1915 г. стала обыденностью практика выстаивания в многочасовых «хвостах» за хлебом, сахаром или керосином, которые зачастую распродавались за несколько часов, оставляя большинство очереди ни с чем [17].

Этот нарастающий экономический хаос закономерно спровоцировал острейшую социальную напряженность, которая стала доминантой общественной жизни Терской области в последние военные годы. Недовольство, первоначально выражавшееся в ропоте и жалобах, быстро переросло в открытые формы протеста. В 1916–1917 гг. по области прокатилась волна забастовок рабочих нефтепромыслов Грозного, железнодорожников Владикавказской дороги и рабочих мелких промышленных предприятий, требования которых уже не ограничивались экономическими лозунгами о повышении зарплаты, но все чаще приобретали политическую окраску, включая призывы к прекращению войны [1, 61–62]. Не менее ожесточенный характер носили и выступления в сельской местности. Крестьяне и казаки, доведенные до отчаяния непосильной продразверсткой, реквизициями и произволом чиновников, все чаще переходили к прямым акциям сопротивления: срывали работы заготовительных комиссий, захватывали ссыпные пункты, а в некоторых случаях и вступали в вооруженные столкновения с казачьими и полицейскими

патрулями, сопровождавшими обозы с реквизированным хлебом [1]. Таким образом, экономика Терской области, поставленная на службу войне, оказалась полностью истощена и дезорганизована. Война не просто переориентировала хозяйство на военные нужды, она системно разрушила его, подорвав основы товарообмена, подорвав производительные силы и доведя основную массу населения до грани нищеты и голода. Этот экономический коллапс стал той питательной средой, в которой вызрели семена социального взрыва, сделав падение старой власти в феврале-марте 1917 г. в Терской области не просто следствием общероссийских событий, но и результатом глубокого внутреннего кризиса, порожденного годами тотальной войны.

Политика военного времени, проводимая имперскими властями в Терской области, не только поставила на грань выживания ее экономику, но и взорвала изнутри сложнейший клубок межэтнических и социальных отношений, десятилетиями создававшийся на этой имперской окраине. Война выступила в роли мощного катализатора, который обнажил и обострил все существующие противоречия, одновременно породив новые линии разлома в многонациональном обществе. Изначальная асимметрия в распределении воинской повинности, когда основная тяжесть мобилизации легла на казачье и русское крестьянское население, в то время как значительная часть горских обществ (за исключением, например, осетин-христиан и добровольцев «Дикой дивизии») была от нее освобождена, создала почву для глубокого недовольства, которое тлело на протяжении всей войны [2, 69]. В казачьих станицах, где к 1916 г. практически не осталось мужчин призывного возраста, а хозяйства владели жалкое существование, все откровеннее звучали обвинения в адрес соседей-горцев в уклонении от общего «царского долга» и извлечении выгоды из народного бедствия. Это чувство несправедливости, подпитываемое бытовой ксенофобией и исторической памятью о Кавказской войне, постепенно трансформировалось из ропота в открытую враждебность, находившую выход в мелких стычках между горцами и казаками, потравах скота и взаимных поджогах.

Власти, озабоченные в первую очередь поддержанием хрупкого порядка и бесперебойным выполнением продразверстки, не обладали ни достаточными ресурсами, ни политической волей для глубокого урегулирования этих конфликтов. Местная администрация, как правило, занимала сторону казачества, видя в ней главную опору, что лишь усугубляло ощущение горских народов об их второсортном статусе и предвзятости суда. Попытки же компенсировать неравенство в мобилизации иными повинностями, в частности массовыми реквизициями скота и подвод для армии именно у горского населения, воспринимались последним как откровенный грабеж и дополнительное доказательство колониальной сущности имперской политики. Эта политика двойных стандартов и силового давления привела к резкой радикализации настроений в горских аулах. Если в начале войны лояльность верховной власти, олицетворяемой фигурой императора, еще была достаточно сильна, то к 1916 г. она стремительно таяла, уступая место глухому брожению, а затем и открытому сопротивлению [18, 23].

Одной из наиболее массовых и показательных форм этого сопротивления стало дезертирство. Участились случаи, когда призванные в трудовые дружи-

ны или на военно-тыловые работы горцы, столкнувшись с тяготами службы и часто унижительным обращением, бросали места работ и возвращались в свои аулы, уходя в горы и формируя вооруженные отряды [19, 104]. Власти реагировали на это карательными экспедициями, которые, однако, лишь накаляли обстановку. Казачьи части, направляемые для поимки дезертиров, зачастую действовали чрезмерно жестко, подвергая «наказанию» целые селения, что вело к новому витку насилия и закрепляло образ казака как безжалостного исполнителя воли далекого и враждебного Петрограда [20, 215]. Этот порочный круг насилия – дезертирство, карательная экспедиция, ответная месть – полностью дестабилизировал ситуацию в равнинных и предгорных районах области, где проживание разных этнических групп было чересполосным.

Параллельно нарастал и протест, вызванный сугубо экономическими причинами. Жесткая продовольственная разверстка, проводившаяся с одинаковой беспощадностью как в казачьих станицах, так и в горских аулах, но на фоне уже описанного неравенства в мобилизации, вызывала особенно острое возмущение у горских народов. Для горца скот был не просто источником пропитания, но и основой богатства, социального статуса и культурной идентичности. Насильственное изъятие скота по заниженным ценам воспринималось как посягательство на саму основу жизненного уклада. Волна антиправительственных выступлений, прокатившаяся по области в 1916–1917 гг., была во многом спровоцирована именно действиями заготовительных комиссий. Крестьяне и горцы повсеместно отказывались сдавать хлеб и скот, разгоняли чиновников, захватывали обратно уже реквизированное зерно. Эти выступления, изначально носившие стихийный и локальный характер, постепенно начали приобретать черты организованного сопротивления. В некоторых районах Чечни и Ингушетии для противодействия реквизициям и карательным отрядам стали создаваться отряды самообороны, которые возглавлялись авторитетными местными лидерами [21, 56].

Таким образом, к началу 1917 г. Терская область представляла собой гигантский котел, в котором под давлением военных тягот переплавлялись все прежние имперские конструкции лояльности. Социальная база поддержки монархии сужалась катастрофически быстро. Казачество, историческая опора трона, было глубоко обижено и разорено войной, обвиняя власти в неспособности защитить его интересы и обеспечить элементарную справедливость. Горские народы видели в Петрограде источник произвола и колониального угнетения. Городские низы, рабочие и ремесленники, измученные голодом и инфляцией, все активнее прислушивались к радикальным социалистическим лозунгам. Даже местная интеллигенция и промышленная буржуазия, изначально поддерживавшая войну под патриотическими лозунгами, были разочарованы экономической некомпетентностью правительства и его нежеланием идти на диалог с обществом. Весть о Февральской революции и отречении Николая II пришла на уже подготовленную почву всеобщего недовольства. Падение монархии было воспринято в области не как трагедия, а как долгожданное освобождение от прогнившего режима, открывавшее путь к решению всех накопившихся проблем – от переустройства земельных отношений и перераспределения власти до национального самоопределения.

Однако, как показали последующие события, революция не погасила, а, напротив, высвободила и легитимизировала все те противоречия, которые война лишь обострила, ввергнув Терскую область в пучину еще более кровавого и разрушительного конфликта – всеобщей гражданской войны, в которой межэтническая рознь стала одним из главных двигателей насилия.

Заключение

Проведенное исследование положения Терской области в период Первой мировой войны позволяет сделать ряд основополагающих выводов, существенно расширяющих представления о характере и глубине воздействия глобального конфликта на российские национальные окраины. Анализ широкого круга архивных источников, статистических данных и материалов периодической печати убедительно демонстрирует, что война выступила в роли мощного деструктивного фактора, который не просто временно дезорганизовал, но и необратимо трансформировал всю социально-экономическую и общественно-политическую ткань региона, став катализатором его последующего погружения в хаос революции и Гражданской войны.

Прежде всего, установлено, что мобилизационная политика имперского центра, проводившаяся без должного учета этнокультурной и исторической специфики Терской области, привела к глубокой социальной асимметрии. Чрезвычайно высокая степень мобилизации казачьего и русского крестьянского населения, с одной стороны, и избирательный, зачастую добровольческий принцип привлечения горцев – с другой, не только усугубили традиционное межсословное и межэтническое недовольство, но и породили устойчивое чувство коллективной обиды и несправедливости, в первую очередь, в казачьей среде. Это чувство, подпитываемое экономическими лишениями, стало питательной средой для роста ксенофобии и взаимного отчуждения, разрушая хрупкие механизмы мирного сосуществования, выстроенные в предреформенный период.

В экономической сфере выявлены противоречивые последствия милитаризации. С одной стороны, наблюдалась форсированная эксплуатация стратегических ресурсов, прежде всего грозненской нефти, и интеграция региона в общеимперский военно-промышленный комплекс. С другой стороны, эта конъюнктурная переориентация происходила за счет хищнического истощения ресурсов, физического износа оборудования и деградации аграрного сектора, который столкнулся с катастрофической нехваткой рабочих рук и тягловой силы. Жесткая продовольственная разверстка, проводившаяся без учета реальных возможностей хозяйств, и тотальный транспортный коллапс привели к глубочайшему продовольственному кризису, гиперинфляции и обнищанию подавляющей части населения, как городского, так и сельского. Экономика области к 1917 г. была подорвана и дезорганизована, что предопределило остроту последующей борьбы за ресурсы.

Наиболее значимым результатом исследования является вывод о том, что военные тяготы выступили в роли детонатора, взорвавшего сложную систему межэтнического взаимодействия. Недовольство, вызванное неравенством мобилизации и экономической политикой властей, быстро переросло

из стадии ропота в открытые формы протеста и сопротивление: от массового дезертирства и саботирования реквизиций до вооруженных столкновений с карательными отрядами. Власть, отвечавшая на вызовы усилением репрессивного аппарата и карательными экспедициями, продемонстрировала полную неспособность предложить конструктивную программу урегулирования конфликтов и потеряла последние остатки легитимности в глазах практически всех социальных и этнических групп.

Таким образом, к февралю 1917 г. Терская область представляла собой регион, находящийся в состоянии перманентного социального и политического кризиса. Падение монархии стало не причиной, а следствием этого глубокого внутреннего распада, лишь легитимизировав и высвободив накопившуюся энергию разрушения. Опыт военных лет – опыт несправедливой мобилизации, экономического грабежа, административного произвола и межэтнической вражды – сформировал тот горячий материал, который сделал неизбежным переход регионального конфликта в кровавую фазу гражданской войны по специфическому, но исключительно жестокому сценарию, где линия раскола часто проходила по этническому признаку.

---

1. Кулов С.Д. Северная Осетия накануне и в период первой мировой империалистической войны // Ученые записки Северо-Осетинского государственного педагогического института им. К.Л. Хетагурова. Т. 18. Дзауджикау, 1949. С. 47–69.

2. Дикая дивизия. Сборник материалов. М.: Таус, 2006. 264 с.

3. Атабиев Х.А. К юбилею Первой Мировой войны: Кавказская туземная конная дивизия // Известия СОИГСИ. Школа молодых ученых. 2013. №9. С. 98–103.

4. Засеев Г.А. «Терские ведомости» о мобилизационных мероприятиях в Терской области в начале Первой Мировой войны // Всероссийские Миллеровские чтения. 2018. №6. С. 314–317.

5. Засеев Г.А. Терская казачья дивизия в начале Первой Мировой войны // Известия СОИГСИ. Школа молодых ученых. 2018. № 20. С. 48–52.

6. Тугиев Ч.В. Мобилизации в Терской области в годы Первой Мировой войны // Современные проблемы науки и образования. 2015. №2-1. С. 602–606.

7. Абдулвахабова Б.Б.-А., Гаджиева Ф.Г. Социально-экономическое развитие Чечни в период Первой Мировой войны // Вестник Дагестанского государственного университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2021. Т. 36. № 3. С. 31–36. DOI: 10.21779/2542-0313-2021-36-3-31-36

8. Атабиев Х.А. Терская область в годы Первой Мировой войны: Дисс. ... канд. ист. наук. Владикавказ. 2016. 195 с.

9. Великая и забытая в документах эпохи: тематический аннотированный перечень документов к 100-летию начала Первой мировой войны 1914-1918 гг. / сост. Н.В. Чиплакова, Л.С. Засеева, Л.Р. Ленник. Владикавказ: Веста, 2014. 112 с.

10. Кавказ в годы первой мировой войны: героика и повседневность: сборник статей. Владикавказ: ИПЦ СОИГСИ ВНЦ РАН и РСО-А, 2014. 495 с.

11. Терские ведомости. 1914. №117.

12. Киреев Ф.С. Герои и подвиги. Уроженцы Осетии в Первой мировой войне. Владикавказ: Ир, 2010. 143 с.
13. Марзоев И.Т., Атабиев Х.А. Забытые герои забытой войны: из истории Кабардинского конного полка // Известия СОИГСИ. 2015. Вып. 18 (57). С. 110–127.
14. Опришко О.Л. Кавказская конная дивизия. 1914–1917. Возвращение из забвения. Нальчик: Эльбрус, 1999. 464 с.
15. Козлов Д.С. Логистика катастрофы: транспортная система России в Первую мировую войну. СПб: Нестор-История, 2017. 456 с.
16. Иванов А.В. Топливный голод: нефтяная промышленность России в годы Первой мировой войны. М.: РОССПЭН, 2015. 367 с.
17. Терские ведомости. 1916. № 87.
18. Центральный государственный архив РСО–А (ЦГА РСО–А) Ф. 24. Оп. 1. Д. 213.
19. ЦГА РСО–А. Ф. 54. Оп. 3. Д. 816.
20. Баранов А.В. Казачество и горцы Северного Кавказа: эволюция взаимоотношений в конце XIX – начале XX в. Краснодар: Перспективы образования, 2014. 318 с.
21. Мусаев С.А. Аграрный вопрос и народные движения в Дагестане и Чечне в начале XX века. Махачкала: Эпоха, 2009. 276 с.

Статья поступила в редакцию 22.09.2025,
принята к публикации 25.11.2025,
опубликована 25.12.2025.

Sekinaev, Soslan A. – Candidate of Historical Sciences, Junior Researcher, Department of History, V.I. Abaev North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies of the Vladikavkaz Scientific Center of the RAS (Vladikavkaz, Russia) (Vladikavkaz, Russia); <https://orcid.org/0009-0007-9035-4097>; seki009sos@mail.ru

WAR HARDSHIPS AND SOCIAL DESTRUCTION IN THE TEREK REGION DURING THE FIRST WORLD WAR.

Keywords: Terek region, World War I, mobilization, economy, interethnic relations, North Caucasus, Russian Empire.

The relevance of this study is due to the insufficient exploration of the role of the Terek Region during the First World War, despite its strategic significance as a border area of the Russian Empire. The war had a considerable impact on the socio-economic and political development of the region; however, these processes remain poorly studied in contemporary historiography. The scientific novelty of the work lies in the comprehensive use of previously untapped or little-studied archival sources, statistical data, and periodical press materials to identify the causes and mechanisms of social destruction in the Terek Region during the First World War. This approach allows filling existing gaps in the study of the influence of wartime hardships on the social structure of the region and broadens the understanding of the regional specifics of this historical process. The aim of the research is to identify the characteristics of the functioning of the Terek Region under wartime

conditions, including mobilization processes, economic transformations, and interethnic relations. The study employs historical-systematic, comparative-historical, and statistical methods, ensuring the reliability of the results obtained. During the research, it was established that the First World War exacerbated social contradictions in the region, contributed to the militarization of the economy, and activated national movements. In the Terek Region, as in other areas, the perception of the events of the war and revolution was severely distorted, leading to the formation of myths about the roles of local heroes and feats. At the same time, thanks to access to archival materials and historical sources, it became possible to gain a more objective understanding of the events that took place, restore real facts, and comprehend what actually happened in the Terek Region during this complex and pivotal period. The conclusions drawn expand the understanding of the regional specifics of the wartime period and can be used in further research on the history of the North Caucasus.

For citation: Sekinaev, S.A. War Hardships and Social Destruction in the Terek Region During the First World War. KAVKAZ-FORUM. 2025, iss. 24 (31), pp.201-214 (In Russian). DOI:

REFERENCES

1. Kulov, S.D. *Severnaya Osetiya nakanune i v period pervoi mirovoi imperialisticheskoi voyny* [North Ossetia on the Eve and During the First World Imperialist War]. *Uchenye zapiski Severo-Osetinskogo Gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta im. K.L. Khetagurova* [Scientific Notes of the North Ossetian State Pedagogical Institute named after K.L. Khetagurov]. Dzaudzhikau, 1949, vol. 18, pp. 47-69.
2. *Dikaya diviziya. Sbornik materialov* [Wild Division. Collection of materials]. Moscow, Taus, 2006. 264 p.
3. Atabiev, H.A. *Kyubileyu Pervoi Mirovoi voyny: Kavkazskaya tuzemnaya konnaya diviziya* [On the Anniversary of the First World War: Caucasian Native Cavalry Division]. *Izvestiya SOIGSI. Shkola molodykh uchenykh* [Proceedings of the North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies. School of Young Scientists]. 2013, no. 9, pp. 98-103.
4. Zaseev, G.A. «Terskie vedomosti» o mobilizatsionnykh meropriyatiyakh v Terskoi oblasti v nachale Pervoi Mirovoi voyny [«Terskie Vedomosti» on mobilization measures in the Terek region at the beginning of the First World War]. *Vserossiiskie Millerovskie chteniya* [All-Russian Miller Readings]. 2018, no. 6, pp. 314-317.
5. Zaseev, G.A. *Terskaya kazach'ya diviziya v nachale Pervoi Mirovoi voyny* [Terek Cossack Division at the Beginning of the First World War]. *Izvestiya SOIGSI. Shkola molodykh uchenykh* [Proceedings of the North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies. School of Young Scientists]. 2018, no. 20, pp. 48-52.
6. Tigiev, Ch.V. *Mobilizatsii v Terskoi oblasti v gody Pervoi Mirovoi voyny* [Mobilization in the Terek Region during the First World War]. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya* [Modern Problems of Science and Education]. 2015, no. 2-1, pp. 602-606.
7. Abdulvakhabova, B.B.-A., Gadzhieva, F.G. *Sotsial'no-ekonomicheskoe razvitie Chechni v period Pervoi Mirovoi voyny* [Socio-economic development of Chechnya

- during the First World War]. *Vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki* [Bulletin of the Dagestan State University. Series 2. Humanities]. 2021, vol. 36, no. 3, pp. 31-36. DOI: 10.21779/2542-0313-2021-36-3-31-36
8. Atabiev, H.A. *Terskaya oblast' v gody Pervoi Mirovoi voiny* [Terek region during the First World War]. PhD dissertation (in history). Vladikavkaz, 2016. 195 p.
9. Chiplakova, N.V., Zasseeva, L.S., Lennik, L.R. (comps.). *Velikaya i zabytaya v dokumentakh epokhi: tematicheskii annotirovanniy perechen' dokumentov k 100-letiyu nachala Pervoi mirovoi voiny 1914-1918 gg.* [The great and forgotten era in documents: thematic annotated list of documents for the 100th anniversary of the outbreak of the First World War of 1914-1918]. Vladikavkaz, Vesta, 2014. 112 p.
10. *Kavkaz v gody pervoi mirovoi voiny: geroika i povsednevnost'* [The Caucasus during the First World War: heroism and everyday life]. Vladikavkaz, North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies, 2014. 495 p.
11. *Terskiye Vedomosti* [Terskiye Vedomosti]. 1914, no. 117.
12. Kireev, F.S. *Geroi i podvigi: urozhentsy Osetii v Pervoi mirovoi voine* [Heroes and feats: Natives of Ossetia in World War I]. Vladikavkaz, Ir, 2010. 143 p.
13. Marzoev, I.T., Atabiev, H.A. *Zabytye geroi zabytoi voiny: iz istorii Kabardinskogo konnogo polka* [Forgotten heroes of a forgotten war: from the history of the Kabardian cavalry regiment]. *Izvestia SOIGSI* [Proceedings of the North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies]. 2015, iss. 18 (57), pp. 110-127.
14. Opryshko, O.L. *Kavkazskaya konnaya diviziya. 1914-1917: vozvrashchenie iz zabveniya*. [Caucasian Cavalry Division. 1914-1917: return from Oblivion]. Nalchik, Elbrus, 1999. 464 p.
15. Kozlov, D.S. *Logistika katastrofy: Transportnaya sistema Rossii v Pervuyu mirovuyu voinu* [Logistics of the disaster: Russia's transport system during the First World War]. St. Petersburg, Nestor-History, 2017. 456 p.
16. Ivanov, A.V. *Toplivnyi golod: Neftyanaya promyshlennost' Rossii v gody Pervoi mirovoi voiny* [Fuel famine: Russia's oil industry during World War I]. Moscow, ROSSPEN, 2015. 367 p.
17. *Terskiye Vedomosti* [Terskiye Vedomosti]. 1916, no. 87.
18. *Tsentrал'nyi gosudarstvennyi arkhiv RSO-A (TsGA RSO-A)* [Central State Archives of the Republic of North Ossetia-Alania (CSA RNO-A)]. Fund 24. Inventory 1. Case 213.
19. TsGA RSO-A [CSA RNO-A]. Fund 54. Inventory 3. Case 816.
20. Baranov, A.V. *Kazachestvo i gortsy Severnogo Kavkaza: evolyutsiya vzaimootnoshenii v kontse XIX – nachale XX v.* [Cossacks and highlanders of the North Caucasus: the evolution of relations at the end of the XIXth – beginning of the XXth century]. Krasnodar, Perspektivy obrazovaniya, 2014. 318 p.
21. Musaev, S.A. *Agrarnyi vopros i narodnye dvizheniya v Dagestane i Chechne v nachale XX veka* [The agrarian question and popular movements in Dagestan and Chechnya at the beginning of the XXth century]. Makhachkala, Epokha, 2009. 276 p.

The article was submitted 22.09.2025,
accepted for publication on 25.11.2025,
published 25.12.2025.